

Некоторое время спустя появилась Ран Цэньцэнь, держа в руках нефритовый сосуд. Её гнев исчез без следа, а на лице сияла лучезарная улыбка.

— Глава Секты Сюэ, — произнесла она с почтительностью, от которой невозможно было не задрожать сердцем, — вот Гу для изменения лица. Как только этот юный мастер будет готов, я в любой момент могу начать процедуру.

При этих словах пальцы Чанькуня Чжуоюя едва заметно замерли. В его разуме внезапно всплыло то, что он изначально не хотел, чтобы Ли Синлунь использовал это Гу. Это было не просто изменение внешности - это была пытка: плоть сдиралась, кости стачивались, кровь перестраивалась, а живые черви Гу ползали под кожей, вырезая новое лицо из старой боли. И он... он не мог этого допустить. Не для него.

Ведь Ли Синлунь был тем самым учеником, которого он через сомнения, через глупость, через непонимание мира так упорно звал к себе. Чанькунь Чжуоюя считал себя человеком, который особенно бережно относится к тем, кто попадает под его защиту. А потому мысль о том, что тот, кого он должен оберегать, сам захочет пройти через такое мучение, была невыносима.

Он сжал руку Ли Синлуна и тихо, почти шёпотом, спросил:

— Маленький Син, ты действительно готов? Это будет больно.

Слово «Маленький Син» пронзило Ли Синлуна, как игла. Он непроизвольно вздрогнул. В глазах Ран Цэньцэнь это еле заметное движение, выглядело как страх, слабость, и жалкая зависимость от своего учителя.

— Маленький Син, — продолжил Чанькунь Чжуоюя, и в его голосе зазвучала такая мягкая, почти родительская забота, что воздух вокруг сгустился, — с моей силой, какие бы враги ни появились, я смогу защитить тебя. Зачем тебе мучить себя ради этого?

Он имел в виду: разве важно, сколько их? Кто бы ни стоял против тебя - они будут раздавлены, как муравьи под ногой. Зачем терпеть эту боль, если достаточно лишь сказать "я с ним"?

— Нет, — твёрдо ответил Ли Синлунь, бросив короткий взгляд на Ран Цэньцэнь, чья улыбка уже трещала по швам от злорадства. — Я не могу доставлять вам такие хлопоты.

Хотя она и не видела его лица под бамбуковым колпаком, фальшь в его голосе была очевидной и настолько явной, что казалось, будто он нарочно провоцирует её. Ран Цэньцэнь чуть не стёрла свои серебряные зубы в порошок.

Лицо Чанькуня Чжуоюя почти не изменилось. Даже при всей своей внутренней живости, он легко сохранял маску непроницаемости, но не это поразило Ли Синлуна больше всего, а то, что он мог передавать боль, радость, гнев, высокомерие без единого движения губ или

бровей. Достаточно было лишь взгляда, едва уловимого наклона головы или лёгкого напряжение в плечах и эмоция становилась осязаемой, как ветер в сумерках.

Сейчас он выглядел внешне равнодушным, но в глубине его взгляда скрывалась настоящая, глубокая боль. Словно человек, говорящий: «Мне всё равно», но внутри разрывающийся от того, что любимый идёт на жертву.

Ли Синлунь не мог не восхититься этим мастерством контроля над выражением лица. Он вдруг понял, что идя за таким учителем, можно научиться не только силе, но и искусству быть невидимым. Эта невозмутимость, эта способность играть роль, не теряя сути ... он начал уважать это больше, чем любую технику меча.

— Хорошо, — произнёс Чанькунь Чжуоюй, и хотя его лицо осталось прежним, весь его облик теперь выражал смесь «беспомощности, покорности судьбе, всепрощающей слабости и „ну что с тобой поделаться“». — Тогда прошу вас, Глава Секты. — Повернувшись, обратился он к Ран Цэньцэнь.

У Ран Цэньцэнь сердце разорвалось от ненависти, её улыбка стала почти гримасой. Она уже мысленно представляла, как во время активации Гу сделает процесс особенно мучительным, что бы этот самозванец наконец понял свое место! Она протянула руку, чтобы снять с Ли Синлуна бамбуковый колпак.

— Пойдите, — вдруг сказал Чанькунь Чжуоюй.

Она замерла.

— Должны ли вы видеть настоящее лицо моего ученика, чтобы изменить его? Раз он желает перемен, я хочу, чтобы никто, кроме меня, не знал, каким он был раньше.

Хотя массовое уничтожение семьи Ли, вероятно, не имело отношения к секте Сотни Цветов, учитывая глубину кровной вражды, лучше было не рисковать. Знание - это уязвимость, а он не хотел, чтобы кто-либо мог использовать это против Ли Синлуна.

— Это... — Ран Цэньцэнь запнулась. Её разум метался между правдой и ложью, как змея в траве. Она хотела соврать, ведь каждый раз, когда она смотрела на Ли Синлуна, её охватывало желание причинить ему вред. Но под взглядом ЭТОГО существа, которое, казалось, видело её насквозь, она не осмеливалась.

К счастью, вовремя появился Ран Вэйжань.

— Конечно, возможно, — сказал он спокойно. — Матка-Гу, которая запечатлевает внешность, не обладает человеческим зрением; она не может передать образ своему хозяину. Более того, родительский и дочерний Гу могут работать даже на расстоянии в тысячи ли. Юный мастер

может пройти трансформацию в одиночестве, в закрытой комнате. У меня есть метод управления дочерним Гу, с помощью этой техники он сможет направлять его по собственному желанию.

— Отлично, — кивнул Чанькунь Чжуоюй. — Тогда действуйте.

Ран Вэйжань принял нефритовый сосуд у Ран Цэньцэнь и лично провёл Ли Синлуна в глубоко уходящую в недра горы комнату, вырубленную в живом камне, где воздух был тяжёлым от древних запахов трав, ядов и времени, а тишина казалась такой плотной, будто сама природа затаила дыхание, боясь нарушить ход происходящего.

Чтобы никто не мог заглянуть внутрь, Чанькунь Чжуоюй лёгким движением деревянного меча коснулся восьми точек вокруг помещения, словно начертывая невидимые печати судьбы, и с каждым прикосновением из его истинной энергии вырывались нити света, вонзаясь в пространство, как корни священного дерева в землю предков, после чего духовная энергия неба и земли начала стекаться со всех сторон, собираясь в сложный, глубокий узор формирования, чья природа была настолько тонкой и загадочной, что воздух вокруг задрожал, будто прикосновение божественного пера к свитку вечности.

Глава и старейшина секты застыли, как каменные статуи, не в силах поверить в происходящее. В мире культивации каждый мастер специализировался на своём: одни достигали вершин в боевых техниках, другие - в алхимии, третьи - в создании артефактов, четвёртые - в искусстве формаций, но даже величайшие мастера формаций требовали подготовки. Им нужны были духовые камни, магические сокровища, нужно было исследовать потоки ци, изучить расположение жил, провести ритуалы, начертить чертежи. Здесь же не было ничего - ни инструментов, ни опор, ни ритуалов, только несколько лёгких ударов мечом, и формирование возникло само собой, как если бы сам мир повиновался его воле. И не просто возникло, а было совершенно, как шедевр древнего бога, настолько прочным, что когда Ран Вэйжань попробовал разрушить его собственной силой, он не смог даже поцарапать границу, будто пытался сломать стену из самого неба.

Поистине достойно того самого Сюэ Цяньцзе, который двадцать лет провел внутри божественного формирования Куньлуня, прежде чем прорваться наружу. Возможно, за эти двадцать лет он не просто выдержал давление массива, но и понял его до основания, научился черпать энергию мира напрямую, как дыхание, без посредников, без опоры, лишь через силу своей воли и истинной энергии, и именно поэтому теперь, не используя ни одного внешнего предмета, он мог вызывать формирования, которые другим мастерам потребовали бы десятки дней и сотни ресурсов. Если бы Ли Синлунь мог это видеть, он сразу узнал бы этот способ, точно так же, когда Чанькунь Чжуоюй помогал ему культивировать, тот лишь направил каплю своей энергии, и вся духовная сила региона рванулась вперёд, как река, лишённая плотины, высушивая землю вокруг, и именно тогда родилось подозрение, что его метод не настройка, а грабёж, прямое принуждение мира подчиниться, как делают лишь самые страшные мастера демонического пути.

Пока Ли Синлунь проходил трансформацию, Ран Вэйжань активировал матку-Гу, направляя её связь с дочерним паразитом, жившим теперь внутри тела ученика, помогая удерживать процесс, но не вмешиваясь в выбор формы.

Ран Цэньцэнь, не желая упускать возможности хоть как-то сблизиться с Главой Секты, всё пыталась завязать разговор. Она говорила о секте, о цветах, о древних легендах, надеясь пробудить в нём интерес, но без своего ученика, боясь случайно сорваться и раскрыть свою игру, Чанькунь Чжуоюй не осмеливался отвечать. Он просто сидел, опустив глаза, с профилем, холодным, как лезвие меча, не двигаясь, не реагируя, будто сам стал частью формирования, и в этом его молчании чувствовалась такая власть, что даже Ран Вэйжань, проживший два тысячелетия, не решался нарушить тишину.

Казалось, «Глава Секты» проявляет чувства только перед тем лисьим духом. Во всех остальных случаях он - лёд, гора, вечность.

Сердце Ран Цэньцэнь принадлежало Сюэ Цяньцзе. Увидеть его при жизни стоило всей её души. В юности она мечтала, что этот хладнокровный, бесстрастный Глава Секты однажды улыбнётся только ей, выделит её среди всех, скажет одно слово, которое изменит её судьбу. Но теперь он действительно улыбался только одному человеку ... и этим человеком был ничтожный, хитрый лисий дух, обманувший целых два поколения секты! Как она может это терпеть? Она мысленно поклялась, что что бы ни случилось, но она заставит Главу Секты увидеть его истинную сущность.

Полное преображение — дело нелёгкое. Изменение внешнего облика — это лишь малая часть всего процесса. Чтобы стать совершенно другим человеком, нужно рассечь плоть, сточить кости, перестроить кровь, а это уже не обман, а пытка, граничащая с испытанием смерти. Ли Синлунь должен был оставаться в сознании всё это время, управляя дочерним Гу, направляя его ползти под кожей, вырезая новое лицо, новое тело, контролируя каждый миллиметр изменения, не позволяя паразиту отклониться от намеченного образа. Эта задача, требующая невероятной концентрации, железной воли и абсолютного контроля над болью, ведь каждый шаг сопровождался ощущением, будто тысячи игл вонзаются в плоть, как будто кости переламываются заново, как будто сама душа отказывается принимать новое отражение.

***

Прошло три полных дня. Три дня тишины, трое суток, пока весь комплекс секты словно замер в ожидании, будто сама долина затаила дыхание. И только тогда Ран Вэйжань прекратил передачу энергии матке-Гу, выпрямился и, обращаясь к неподвижному, как статуя, Чанькуню Чжуоюю, произнёс:

— Глава Секты Сюэ, завершено.

Лишь тогда Чанькунь Чжуоюй пошевелился. Даже он сам находил это странным. С его-то якобы живым характером, он давно должен был нетерпеливо вскочить, потребовать объяснений, но он спокойно сидел, не испытывая ни беспокойства, ни сомнений, как будто время для него потеряло значение, как будто он знал, что всё идёт по плану, и потому не нуждается в проявлении волнения.

Он взмахнул деревянным мечом. Красная кисточка на нём прочертила в воздухе полосу алого

света. Несколько нитей истинной энергии рассеялись, формирование растворилось, как туман под утренним солнцем, и духовная энергия вернулась в естественный поток, будто никогда и не была нарушена.

Глава и старейшина не проронили ни слова. Формирования трудно создавать, и ещё труднее разрушать. Если мастер формаций неосторожно разберёт собственный массив, он может получить сильнейшее обратное воздействие, повредить меридианы и потерять память. А для Главы Секты — это было делом одного движения, одним взмахом меча, без усилия и колебаний.

И в этот момент дверь медленно открылась. Ли Синлунь вышел наружу.

Все взгляды немедленно обратились на него.

Бамбуковый колпак исчез. Перед ними стоял совершенно другой человек.

<http://bllate.org/book/14629/1297991>